II

Телеграфист Гунтер, определенный почтово-телеграфным чиновником IV разряда с правами действительной Государственной службы в Ардатовскую контору приказом по Округу с окладом 360 рублей в год, сидел буквально «за решеткой» и в переносном смысле «в темнице сырой» и читал. Время от времени он регулировал длину фитиля беспощадно коптящей керосиновой лампы колесиком, которое называлось байонетом. Электростанция в Ардатове была допотопной, и освещения едва хватало земской больнице и присутственному зданию. Помещение почты с отведенным под аппарат Юза обрешеченным углом действительно было сырым и напоминало дровяной сарай. Впрочем, и больница, и многие ардатовские строения были сродни калдам — загонам для скота, как ни изукрашивали окна и двери резными накладными планками.

Читал Гунтер «Исторический очерк электрических телеграфов» сочинения Иосифа Гамеля и попутно думал о том, что вот Гамель был настоящим немцем, а к нему фамилия припуталась незнамо откуда. Хотя и отец его огрубленно против истинно германского «Гюнтер» звался Гунтером, и дед, за немцев их никто не держал. Всего несколько лет назад Гунтер здесь же помогал отцу разбирать почту, и тогдашний телеграфист Ижболдин, нарушая правила, показал ему, как работает чудо-машина, чем обусловил его жизнь. Почтальон Гунтер лежал в могиле на местном кладбище, куда, прежде чем поставить гроб, по традиции насыпали сена, а он, Гунтер-младший, выучился работать на скородействующих аппаратах и получил в петлицы два почтовых рожка на перекрещенных молниях. Испытания в телеграфной школе он сдал порядочно, только по почтовой гоньбе не получил высшего бала, смешав названия станций. Но гонять лошадей и дудеть в рожок Гунтер не собирался. Этот вид доставки корреспонденции изжил себя еще в прошлом веке. Зато преуспел по телеграфной и технической части и по практической и служебной телеграфии, и телеграфостроение знал с закрытыми глазами, и аппарат Морзе собирал и разбирал, как солдат винтовку Мосина.

Заодно с обязательными предметами Гунтер вызубрил и саму азбуку Морзе. И немецким занимался усердно, рассчитывая на то, что война с германцем рано или поздно случится. Случилась она с японцем, но потель, как тайно называли сотрудники почтово-телеграфное ведомство, относилось к МВД, и призыв телеграфистам не грозил. А дойдет дело до германца, там посмотрим.

Присяжный лист Гунтер зачитал с подобающим выражением и помнил его наизусть: «Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием, в том, что хощу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийскаго престола Наследнику Алексею Николаевичу, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови…»

К чтению Гунтер тоже приохотился благодаря почте. Учась во втором классе четырехклассного уездного училища, доставил депешу в здание городской Управы, где только что открылась Публичная общественная библиотека. Залог за взятие книги был рубль, и отец ни за что не дал бы сыну таких деньжищ. Но библиотекарем поставили отцова кума с жалованием пять целковых, и он устроил так, чтобы очередной визит Гунтера совпал с посещением очага просвещения романтической помещицей Мухиной, председателем Комитета по заведыванию библиотекой. Гунтер без труда выучил наизусть «шалунужотморозилпальчик», Мухина умилилась до увлажнения батистового платочка, и сопливый вундеркинд получил бесплатный билет и освобождение от штрафа за просрочку. Убедившись в том, что драконовские меры количества читателей не прибавляют, Комитет впоследствии разрешил безвозмездно брать на дом свободные, то есть никем не востребованные книги, каковых в фонде было большинство, старые журналы и недельной давности газеты. Гунтер научился добывать нужные ему сведения отовсюду и до поступления в телеграфную школу прочитал даже Августа Бебеля, к изумлению кума как-то попавшего на полку.

Появление библиотекарши Лидочки Дикопольцевой заставило Гунтера впервые пожалеть о недостаточности личной жизни при его служебном расписании, но терпеть и выжидать Гунтер привык с младых ногтей. При Лидочке подписчики повалили валом, в библиотеку был на пожертвования приобретен с согласия Управы «волшебный фонарь» в деревянном корпусе с диапозитивами, и по такому случаю в библиотеку по воскресеньям подавали электричество. Лидочка в технике не разбиралась ничуть, и подписчик со стажем и признанный технический гений Гунтер вызвался ей помогать при проведении сеансов этой примитивной Laterna magica. Управа требовала, чтобы картины представлялись благопристойные для всех и общеобразовательные для народных чтений, но Гунтер, будучи по службе в Симбирске, добыл у соучеников по телеграфной школе весьма фривольные раскрашенные дагерротипы с парочкой, выясняющей отношения. Лидочка долго сопротивлялась, но не устояла,

и после демонстрации Гунтер напросился ее проводить до наемной квартиры, декламируя по дороге приспевающие стихи Державина:

Гремит орган на стогне трубный,
Пронзает нощь и тишину,
Очаровательный огнь чудный
Малюет на стене луну,

и повествуя о том, какие фантасмагории представлял на подвижном «волшебном фонаре» бельгийский иллюзионист Робертсон. Лидочка, что называется, ахала, глубоко, со звуком, втягивая воздух, и позволила взять себя под руку. Бедняжка, проведшая отрочество в степном имении у тетки, она никогда не была в синематографе, не видела даже «Большого ограбления поезда» и «Поимку преступника». Гунтер успел пересказать ей сюжеты. Начало было положено, и только дефицит времени препятствовал продолжению.

У Гунтера с недавних пор начало садиться зрение, что неудивительно при таком освещении и пристрастии к чтению и является, между прочим, типичным для его профессии заболеванием. Сквозь решетку он разглядел вошедшего лишь в общих чертах: пол, рост, шинель — по цвету солдатского сукна — и высокая, как початок рогоза, похожая на казацкую, папаха. Портсмутский мир был подписан в августе, но воины, в первую очередь порт-артурцы, начинали возвращаться, и такой наряд не привлекал внимания. Когда же вошедший приблизился, Гунтер подумал, что одет он маскарадно и встреча по одежке обманна. Человеку с внешностью, отшлифованной многими поколениями, столь же неуместно одеваться солдатом, как солдату не след обряжаться во фрачную пару и лакированные штиблеты. Посадка головы, форма носа и общее выражение лица — все выдавало потомственного аристократа. Гунтер заметил, что карманы шинели прорезаны горизонтально, чтобы можно было выпустить эфес шашки. Это говорило об офицерском звании, но сапоги на ногах были фронтовые, из черного кожевенного товара,

которым торговали на базарных площадях, а не ожидаемо хромовые шевровые, пошитые на заказ или привезенные оборотистым купцом из штата Массачусетс, фирмы Sorosis.

Посетитель подошел к решетке, из-за которой наблюдал за ним Гунтер, постепенно, по мере подхода, яснее различавший черты и детали, походкой, изобличающей века верховой езды на кровных лошадях и занятия английской гимнастикой. Выбрит он был, несмотря на толстовское опрощение с оттенком антитолстовского милитаризма, посторонней рукой — сам так не выскоблишься, это Гунтер знал по себе, — скорее всего, сноровистым лакеем, а не ардатовским куафером, после которого рожу пластырем заклеивай. Гунтер свою внешность не переоценивал: окороченный — кирпатый — нос и словно налепленные для любительского спектакля усишки. Однако он хорошо знал, что его сильная сторона заключается не в обличье. Не здороваясь, ряженый резко приступил к делу:

— Граф Корвин-Коссовский, Болеслав Ричардович. Проездом из владельческого имения Папузы Карсунского уезда. Линия бездействует?

От Карсуна до Ардатова было верст 90. Последний же вопрос относился к телеграфному аппарату.

— Так точно-с, — ответил Гунтер, ничем себя не выказывая, — бездействует. Причем в оба конца.

— Извольте освободить место у аппарата. Я беру на себя налаживание работы и восстановление связи.

— Вот как-с? — возможно учтивее произнес Гунтер. — Но я, с вашего позволения, согласно инструкции, не имею права пускать к аппарату посторонних.

Граф рванул крючки шинели. Клапаны на воротнике имели цвет красный, гербовые пуговицы отдавали в золото. На иссиня-зеленом кителе красовались два Георгия.

— Это я — посторонний? — горло у графа перехватывало, но он старался держаться в рамках. — Я под Мукденом был. В отряде штабс-капитана Гротто-Слепиковского сражался. С Сахалина добрался до материка, избежав пленения.

Гунтера слегка насмешило, что Корвин-Коссовский служил под началом Гротто-Слепиковского, и он подумал, что все

эти величания и двойные фамилии, которые ни один солдат не смог бы воспроизвести, добавили соуса к позорному поражению. Он решил для начала поддать легкого жарку.

— На Сахалине изволили геройствовать? — спросил Гунтер с пониженной язвительностью. — Это где отряды из каторжан формировали и оружие им страшились выдавать-с?

Косовский слился цветом скул с шинелью и потянул из кармана брюк пистолет — судя по объемам, «браунинг».

— Т-ты, каналья! — как многие нервические натуры, граф от волнения начал слегка заикаться. А может, в театрах насмотрелся таких проявлений. — Газет начитался?

— Никак нет-с, — отрапортовал все более веселеющий в душе Гунтер. — Газетам доверять не склонен. У нас по роду службы свои каналы имеются.

Созвучие «канала» и «канальи» его забавило. Дуло «браунинга» не пролезало в ячею решетки, разделяющей противников. «Рикошет будет от стены», — подумали оба одновременно.

— Повторяю предложение. Во второй и последний раз, — с паузами сказал граф. — Прошу предоставить мне возможность восстановить связь. Открой свою клетку и впусти меня!

— А вы, ваше сиятельство, с телеграфостроением знакомы? — спросил Гунтер, делая вид, что поддается на уговоры.

— Я прапорщик русской Императорской армии и граф из рода Слеповронов, — сказал Коссовский отрывисто. — Или ты думаешь, аристократы только в шампанском разбираются?

— Я ни о чем подобном не помышляю-с, — оспорил Гунтер. — Куда мне? Но если вы офицер, хоть и невысокого звания, то я — государственный служащий и тоже присягу давал. Вы что же, приказываете мне присягу нарушить? Конечно, вы, господин прапорщик, можете мне тыкать, можете в меня стрелять и при этом полагать, что вам как герою проигранной войны снисхождение выйдет. Но я тоже порядки знаю, и на что вы меня толкаете и сами предпринять намереваетесь, есть уголовное преступление. И это, надеюсь, вам прекраснейше известно. Кстати, у вас на пистолетике предохранитель автоматический? Смотрите, он может сработать при охвате рукоятки ладошкой-с.

— Ишь ты, речистый какой! — наконец отметил граф то, чего Гунтер от него и добивался. — А словоерики зачем ввертываете? — вот уже и на «вы» перешел. — У Достоевского набрались? Как штабс-капитан Снегирев: «Все не говорил, целую жизнь не говорил словоерсами, вдруг упал и встал с словоерсами»?

— Никак нет, — сказал Гунтер уже без сослужившего службу «ерика». — Я более поклонник графа Толстого. Но учения только частично, а выдающегося художественного дара искренний ценитель. Что до словоерсов, то конечная «с» заменяет собою «сударь» и выражает почтение.

— Ишь ты! — последние доводы выскальзывали из уст Коссовского, словно предсмертная записка из рук умирающего, и бессилие отзывалось однообразием. — И в какой же именно части вы учение Толстого принимаете?

— В той, что с размышлениями царевича Сиддарты, прозванного Буддой, пересекается.

У графа затрясся подбородок.

— Так вы, милейший, буддизм исповедуете? И что же, разве Будда стачки одобряет? Он же, насколько мне известно, непротивленец, и яснополянский старец у него эту идею и перенял, с русскими условиями не сообразуясь.

— Относительно стачек мне в учении Будды ничего не попадалось, — смиренно сказал Гунтер, понимая, к чему клонит собеседник и вынуждая его самостоятельно выразить претензию.

— А разве телеграф стоит не из-за стачки? — осведомился граф.

— Точно так. Потель бастует по всей империи. Только я к этому касательства не имею и простаиваю вынужденно, поскольку у нас принцип действия телеграфа радиальный. Симбирск, Нижний и Казань отключены, и мой «юзик» молчит, не стрекочет.

— Юзик? — озадаченно повторил Коссовский.

— Да, аппарат мистера Юза, запатентованный в 1855 году. Используется для городской и губернской связи. Вы же собирались за него сесть, а сами не имеете познаний даже начальных.

— То есть вы хотите сказать, что не принимаете участия в акции, охватившей более 90 процентов сотрудников ведомства? — перебил его заметно смущенный граф.

— Точно так, — повторил Гунтер.

— Так, выходит, вы штрейкбрехер, милейший?

— Это как вам будет угодно, — не растерялся загодя подготовившийся к таким поворотам телеграфист. — Только я, повторяю, присягу давал до последней капли крови Государю повиноваться. А вы намереваетесь из меня сию каплю насильственно выпустить. Под давлением я, конечно, могу объяснить вам, как действует сия машина, но это ровно ни к чему не приведет.

Моральное превосходство фальшивого немца над наверняка сильно разбавленным ночными хождениями в людскую Слеповроном набирало обороты. Коссовский повертел в руке «браунинг» и уже собирался отправить его по месту первоначальной дислокации…

Петиционная кампания служащих почт и телеграфов в адрес головной конторы ГУПиТа началась еще в феврале. В апреле вятский телеграфист Сергеев после грубого отказа начальника ПТК Якимова впервые самовольно передал текст петиции с экономическими требованиями в Казань и присовокупил к этому неслыханному поступку просьбу коллегам циркулярно, то есть единовременно, передавать текст в другие города. Желая привлечь внимание общества к почтово-телеграфным безобразиям, отец двоих детей Сергеев ранил Якимова выстрелом из револьвера и сдался полиции. Либеральные газеты объявили его героем. Вятский телеграф работал только на денежные переводы в адрес семьи Сергеева, а сам он бежал из-под стражи в зале суда и покуда успешно скрывался.

С середины ноября в 244 городах Российской империи встали телеграфные аппараты. Накануне методом Сергеева по всей проводной сети прошел сигнал к забастовке «АГИПТЧ». Информационное пространство затрещало по швам. В Москве тишком создавался Потельсоюз, и воззвания бюро беспрепятственно передавались по служебным каналам. В таких дырах, как Ардатов, связь работала с перерывами, аппараты то включались, то выключались, трансляцию не пропускали губернские связисты. Телеграфисты захолустий оказались самыми верноподданными и не покидали рабочих мест. Толку от их сидения не было ни малейшего, но и смысла устраивать стачку тоже. Гунтер, к примеру,

с тех пор как Ижболдин без объяснения причин повесился на стойке решетки, работал в одиночку. Напарника прислать из Симбирска обещали, да все забывали. Гунтер привык к своему распорядку, ему не хотелось терять служебную квартиру и возвращаться со смутными перспективами к полоумной матери и опекающим ее громогласным дядьям. Но бастовать наедине с самим собой казалось ему главным образом комично и нелепо. А нелепостей он избегал.

Не успел Коссовский донести пистолет до кармана, как в двери возникла фигура в двубортной шубе на лирах, крытой темно-синим кастором, с шалевым воротником и в фетровом боулере, или котелке, как повелось звать такой убор в России. Гунтер не преминул узнать местного Доктора, ставшего после спасения на базаре блаженной девочки знаменитостью. Говорили, что в день он принимает по сотне больных, и народ все прибывает. Фигура Доктора была до того корпулентна, что Гунтер без затруднений издали рассмотрел всю справу в подробностях. К тому же в цивильном костюме он разбирался гораздо лучше, чем в военном и полувоенном. Этот посетитель был куда спокойнее предыдущего, и цель его прихода представлялась самой ординарной. Он действительно подошел к решетке и попросил бланк. Свертки и пакеты, которыми были заняты его руки, прислонил к стене. Гунтер припал к решетке, как на картине передвижника Ярошенко «Всюду жизнь», которую столичные критики переделали во «Всюду тенденция».

— Прошу прощения, господин доктор, — сказал Гунтер нарочито другим тоном. — Линия не работает. Стачка.

— Где? — спросил доктор, словно с Луны свалившись.

— Везде. Повсеместно, — нервно сказал граф. — Страна в почтово-телеграфной блокаде.

— И надолго? — спросил Доктор еще более наивно.

Граф развел руками, в одной из которых по-прежнему зажимал «браунинг».

— Ох, как некстати, — посетовал Доктор. — А мне срочно понадобилось телеграмму в Москву отбить. Прямо хоть плачь!

Плакать он, однако, не принялся, зато внимательно присмотрелся к рукам графа.

— А что это вы, милейший, с пистолетом? Опасность извне? Самураи на пятках? Вы ведь, как я понимаю, с театра военных действий недавно?

— Так точно, — ответил граф, безошибочно почувствовав своего.

Они поручкались и представились друг другу.

— А не доводилось ли вам, милейший Болеслав Ричардович, на сопках Манчжурии встретить доктора Шумкова Герасима Егорыча?

— Лично не доводилось, но наслышан много, — сказал граф приветливо, будто и не собирался четверть часа тому застрелить, как собаку, телеграфиста. — А вы с ним знакомы?

— Только через пациентов, — огорченно сказал Доктор. — Он защищался у профессора Сикорского Ивана Алексеевича, а о нем в киевском университете, где я учился, легенды ходили. Массовые психозы изучал.

— Что значит «через пациентов»? — заинтересовался Коссовский. — Так вы на фронте бывали?

— Нет, — сконфузился Доктор. — Я киевским Красным Крестом в Читу был направлен — вернее, навязался.

— Что значит «навязался»?

— За женщиной, которую любил, последовал, — просто сказал Доктор, и Гунтер впервые увидел, как он улыбается своими полными губами. — Она в эвакуационном госпитале работала. Меня заведовать хирургическим отделением поставили. А в госпитале уже войсковом, там же, в Забайкалье, я пациентов Шумкова пользовал не раз.

— Вы же хирург? — удивился граф. — А Шумков, как известно в армии, психиатр.

— Но душевнобольным, особенно воинам, часто требуется помощь хирурга. Меня как раз весьма интересует открытый Шумковым травматический невроз. Вот посмотрите, — он нежданно вперился в Гунтера за решеткой. — Мы тут с вами приятно беседуем, а в это время человек в неволе томится. Выпусти его сейчас — гляди, бросится на нас с вами, и по своей логике правильно сделает. Вы этого опасаетесь? Потому и пистолетик наготове держите?

— Не брошусь, — твердо сказал Гунтер. — Но и пост покинуть не могу.

— Да полно, — махнул ему Доктор. — Выходите и присоединяйтесь к компании. Мы же никому не скажем, правда, граф? Работы у вас все равно нет. А у меня — по горло. И фельдшер самодур. Впрочем, он, кажется, скоро меня, безутешного, покинет. Вы пистолетик уберите, уберите, граф. Сядем рядком. Мы с вами, можно сказать, сослуживцы. У меня коньяк с собой недурственный. Выпьем за знакомство по маленькой. Только из чего? А, голова садовая! Я же за мензурками, собственно, пошел, для анализов. Мензурки чистые, новенькие. Грех не обмыть. В результате вон сколько всего накупил. Но коньячок нежданно и пригодился.

Говорил Доктор ласково, но так веско, что граф поспешно затолкал наконец «браунинг» в брючный карман. Чувствовалось, что все присутствующие были рады поговорить по душам, и все по этому случаю немного суетились. Гунтер помедлил для порядка, отпер изнутри дверь и вышел на волю, не забыв запереть ее снаружи. Сила, которая непрошено влекла его к Доктору, перемогала долг.

Они уселись за почтовый стол, Доктор вместе с коньяком достал закуски и разложил на обертке. Разлил.

— Ну, за встречу! Великая вещь — встреча, — сказал Доктор с задумчивостью.

Махнули.

— Так вот о хирургической помощи скорбным разумом, — продолжил Доктор, скидывая шубу. Коссовский следом тоже снял шинель, а Гунтер, напротив, плотнее запахнул китель. Его что-то познабливало в последнее время. — Идет, значит, отчаянный бой, солдатик-артиллерист снаряды подает из ящика. Кругом гранаты разрывные летают. И вот, представьте, бой кончен, канонада умолкла. Берет наш артиллерист свой наган солдатский и стреляет себе в грудь. Но не летально, а тяжелое ранение. Его в Читу переправляют. Он бредит, мечется.

— И что? — слитно спросили Гунтер и его недавний супротивник.

— Мое дело разрезать и зашить, а там уж им психиатры занялись. Не знаю, чем кончилось. Но это к вопросу о травматических психозах.

Налил по второй. Приложились.

— А у нас такое было, — встрял граф. — Ночью кто-то вопит во сне: «Японцы! Пли!» А японцев и в помине нет. Паника поднялась, впотьмах в повозки попрыгали, давят друг друга, с обрывов катятся. Стрельба вслепую, двух своих уложили.

Примолкли. Третью накатили не чокаясь.

Гунтер, не употреблявший хмельного и не смогший отказать странному в своей всесильности Доктору, ощущал какой-то бешеный восторг и возбуждение, но при этом все остро осознавал и видел, что его сотрапезников стремительно развозит.

— Как вас величать, милейший? — спросил его Доктор.

— Гунтер, — нежданно прорезавшимся дискантом ответил тот.

— Это, позвольте спросить, имя или звание?

— Он — просвещенный человек, — проникновенно произнес Коссовский. — Не знаем мы народа!

— Что правда, то правда, — сказал Доктор. — На базаре побирается слепец. Говорит, что Пушкина видел. Представляете?

Граф с нетрезвым недоумением вскинул брови, а Гунтер собрался и объяснил:

— Это Логвинов. Дальний родственник батюшки моего. По почтовому ведомству служил, когда Александр Сергеевич здесь проезжать изволил.

— Вы Пушкина читали? — спросил Доктор.

— Читал и читаю, — сказал Гунтер. — «И все бы слушал этот лепет, все б эти ножки целовал». Это он почтмейстерше в альбом написал. Логвинов ее любил безответно. А она поэта предпочла.

— А почтмейстер? — спросил граф. — Стрелялся с ним?

— С кем? — спросил Гунтер. — С Логвиновым?

— С Пушкиным, — граф достал золотой портсигар и сосредоточенно бил о крышку стоячей папиросой.

— Нет, — с преувеличенной уверенностью сказал Гунтер.

— А вы любили, голубчик? — спросил его Доктор, протирая очки. Он отчего-то плакал.

— Давно когда-то, — сказал телеграфист. — Теперь мне Лидочка нравится, но до того случая далеко.

— Сдается мне, любезный, — проговорил граф с растяжкой, — что мы с вами встречались некогда в одном интересном заведении.

— Не надо, не надо об этом! — от себя не ожидая, зарыдал Гунтер. — Я прошу вас! Это больно, невыносимо больно!

— А у меня жена японка, — сказал Коссовский и шмыгнул носом.

— У нее ножки миниатюрные? — полюбопытствовал Доктор.

— Как улиточки, — граф заплакал и некрасиво сморщил свое прекрасное лицо.

Дверь распахнулась, и в нее влетела горящая шутиха, при рассмотрении оказавшаяся женщиной в лисьей шубке.

— С кем ты здесь? — обратилась она к Доктору на повышенных тонах.

Хмель слетел со всех единым мигом. Мужчины встали и поклонились.

— Позволь тебе представить моих друзей, — Доктор опустил на нее близорукий взор.

— Ты ушел два часа назад! — не желая знакомства, выпалила дама.

— Это жена моя Анна, — сказал Доктор. — Ревнива, но прекрасна. — За ней, вот за этой фурией, я отправился в Читу, оставив научные изыскания. Я, пожалуй, откланяюсь.

Анна живо собрала со стола коньяк и закуски.

Гунтер успел вскочить и приблизиться к Доктору.

— Могу я к вам на прием записаться? — просительная интонация пробивалась сквозь браваду.

— А что с вами такое? — успел спросить и Доктор.

— Освидетельствование пора пройти. И есть некоторая проблема, которая меня беспокоит.

— Приходите в любое время. Я всегда в больнице. Только вот на беседу с вами и отвлекся. Рад знакомству!

— А я, пожалуй, еще посижу, — тихо молвил граф. — Тоскливо мне. И виноват я перед вами, — это относилось к Гунтеру.

Доктор напялил шубу и, увлекаемый Анной под локоть, удалился. Гунтеру не очень хотелось продолжать без него, но Коссовский смотрел почти умоляюще.

— Как вам живется-то? — спросил граф тише прежнего. — Я ничего о вас не знаю.

— Как мне живется? Да можно ли назвать жизнью это полуживотное прозябание? — Гунтер еле сдерживал лязг челюстей. Его несло в такие дали, куда он себя годами не пускал. — Вся жизнь проходит в службе и в сне. Свободного времени нет, личной жизни нет… Сейчас я привык. А лет пять назад, пока Ижболдин не повесился, было похлеще. Тогда работало два аппарата, и дежурство и отдых мы распределяли: сутки дежурства, сутки свободы… Дежурный не имеет права отойти от аппарата ни на минуту. Приходится сидеть 24 часа в позе какающей собаки и, конечно, не смыкая глаз. Следующие за этими сутки — в тяжелом сне с бредом и видениями. Теперь по большим станциям трехсменное дежурство. Шесть часов — и домой. А завтра снова на дежурство. 18 часов с перерывом для обеда и сна. Остальное время гуляй не хочу. Из него выключаем 8 часов на отдых. На жизнь остается часов 14-15 за трое суток.

— Но это же каторга! — воскликнул поугрюмевший граф. — При матушке-Екатерине в караул отправлялись на неделю и брали с собой перину с подушками, халат, колпак и самовар.

— Да. Но потом воцарился Павел, — срезонировал Гунтер.

— Почему же ничего не делается, чтобы облегчить такую участь? — пропустив царствование Павла Петровича, вопросил Коссовский.

— Как не делается? Вот стачка, которая вас так возмутила. Но она скоро закончится, помяните мое слово. Все вернется на круги своя, надолго ли, нет, не знаю. Уже сейчас люди из стороны в сторону шарахаются, страшатся наказаний, увольнений. По приказу из Москвы многие бастуют. МВД и ГУПиТ опамятуются, кого-то арестуют, кого-то с квартир казенных сгонят, из жалованья вычтут. Потом свалят на почтовых кражу ценных посылок. Потом введут где надо военное положение, потом отменят. И все пойдет своим чередом. Жизни телеграфистов не знает никто. Или, вернее, не обращает на нее внимания. Напротив того: нас считают лодырями и дармоедами. Мне приходилось читать, что из-за нашего несерьезного отношения к службе происходили казусы на Дальнем Востоке…

— А разве не так? — мрачно перебил монолог Коссовский. — Разве не из-за ваших коллег центр лишился оперативной

связи с Сибирью, Средней Азией, Дальним Востоком? Разве не самарцы заблокировали передачу царской телеграммы в маньчжурскую армию? Земцы им в поддержку средства выделяют, а депеши на Дальний Восток через ост-индский телеграф идут. Англичане шифровки задерживают. На Урале вся хозяйственная жизнь расстроена. На прииски наличные не поступают, контракты горят. Горнозаводские жалованье не получают. Железные дороги стоят — золото намытое пудами в почтовых конторах скапливается. А как они охраняются, вы в курсе. Что со страной будет, кто подумал?

— Скоро характер войн в корне изменится, — сказал Гунтер давно обдуманное. — Все будет на средства связи заточено. Натан Ротшильд когда сказал: «Кто владеет информацией, тот владеет миром»? Сразу после поражения Наполеона сказал.

— Вы давеча попрекнули поражением нынешнюю армию, — устало сказал граф. — Поверьте, у России хватило бы сил и средств, чтобы выиграть войну даже после Порт-Артура, после Мукдена и Цусимы. Продлись война еще год или два, мы бы одолели. Ну, хотя бы к ничьей свели. Если бы не стачки эти, не революция надвигающаяся. Потому и мир заключили на столь невыгодных условиях. Южный Сахалин сдали, южную ветку КВЖД победителю оставили…Господи, — застонал он и схватился за голову. — Я никогда не думал, что так буду по ней скучать!

— Вернетесь? — тихо спросил Гунтер.

— Не знаю… — граф поднялся и зашагал по конторе, скрипя мужицкими сапогами.

— Русско-японская война была первой войной нового типа, — проговорил Гунтер сквозь озноб. — Совершенно новые технические возможности. Глушение искровых аппаратов, беспроволочная телеграфия. Я донесение читал секретное, как наши в Порт-Артуре во время нападения противника работу искровых телеграфных аппаратов японского флота угнетали. Сообщения вражеских судов между собою и материком путали. Просто посылали беспрерывно знаки Морзе, а их одновременно принимали работавшие аппараты противника. Все депеши японские сделались нечитаемыми. И так в течение нескольких часов, пока в действиях русских приборов пауза не наступила.

— С точки зрения военного права наши действия не могли быть оспорены, — сказал Корвин-Коссовский. — Но наши действия оспариваются всегда и по любому поводу.

— Это понятно, — Гунтер почувствовал раздражение. — Но следовало идти этим путем, технологическим, а не кавалерию на убой посылать. Нам здесь равных нет. Отсталость наша мнимая и сосредоточена в тех областях, которые через несколько лет вообще отомрут.

— Жаль, японский генштаб этого не знал, — усмехнулся граф. — Пойду и я, пожалуй. А вы к доктору загляните. Выглядите не очень. Перенапряжение сказывается. Или еще что-то… Он славный человек, по всему судя. Да, и простите меня, Христа ради, — это добавил уже в дверях.

Гунтер проводил уходящего взглядом, достал из ящика стола «Почтово-телеграфный журнал» за 1889 год, полистал, прочел заметку «Телеграфистка г-жа Огле»: «Во время страшной Пенсильванской катастрофы, когда после продолжительных дождей вода в горном озере, прорвав плотину, ринулась потоком в 40 фут глубины в долину, смыла города Саус-Форк с 2000, Кеннемог с 2500, Вудвель с 2000 и Минерал-Пойнт с 8000 жителей. Вода приближалась к городу Джонстоуну с 25000, и в числе немногих самоотверженных людей, которые хотели предупредить жителей Джонстоуна об угрожающей опасности, произносится имя г-жи Огле, которая из ближайшего к Джонстоуну пункта успела передать в этот город депешу: «Спасайтесь, это моя последняя депеша». Она и малолетняя дочь погибли в волнах, а полученную депешу американцы постановили хранить навсегда как указание на высокий пример самоотверженности и исполнения служебного долга за минуту до неизбежной смерти».

Гунтер представил себе г-жу Огле, потом ее дочь, потом 25000 жителей Джорджстоуна и ни к кому не испытал сочувствия. Он знал, что лишь оттягивает момент, наступление которого неизбежно. Попытался вообразить Лидочку с ее милым, но совершенно обыкновенным лицом и ужаснулся самой вероятности провести рядом с ней всю жизнь. Потом нарисовал мысленно интересное место, на которое намекал граф и от посещения которого он больше месяца воздерживался, и только тогда расстегнул форменные брюки и принялся терзать себя, рыча и всхлипывая.

— Иди! Иди! — корчась и извиваясь, неведомо кому посылал Гунтер сигнал, ненавидя себя, стыдясь, предвкушая и заведомо прощая себе это краткое счастье, и остро ожидаемое блаженство приближалось, наступало, взрывало ему мозг и на несколько часов освобождало от черной жути бытия.

В больницу он пошел на следующий день, сдал в амбулатории кровь.

— Я пил из мензурки! — единственная реакция Гунтера на диагноз Доктора не обескуражила.

— Во-первых, милейший, распространение сифилиса воздушно-капельным путем преувеличено в десятки раз — и правильно: нашего брата не остановишь, пока не напугаешь. Во-вторых, лабораторная посуда дезинфицируется физически, химически и механически. Я предпочитаю — и от подчиненных требую — после воздействия паром бумажки нарвать и соломки подстелить. Так что не волнуйтесь.

— Зачем бумажки и соломки? — машинально спросил Гунтер.

— Для страховки. Поболтать, пошурудить, а потом проточной водичкой довершить процесс. Так что не волнуйтесь.

Гунтер не волновался. Он понял, что с ним происходит, сразу после увеличения лимфоузлов в паху.

— Сколько мне осталось? — спросил он, избегая трагизма в голосе.

Доктор рассмеялся.

— С этим заболеванием десятки лет живут. А клинические исследования на месте не стоят. Со времен Парацельса людей ртутью травили, пока профессор Стуковенков в Киеве дозы не рассчитал. Теперь травят висмутом. У вас стадия первичная, попробуем йодом мечущую болячку извести.

— Мечущую? — автоматически переспросил Гунтер.

— Оказывается, и вы не все знаете, господин всезнайка, — веселость Доктора казалось несколько наигранной. — Так люэс в средние века называли. А откуда «сифилис» произошел, вам известно?

— Что-то поэтическое, — пробурчал Гунтер.

— Именно! Именно поэтическое, — с энтузиазмом подхватил Доктор. — Врач Джироламо Фракасторо и был поэтом! «Сифилус», то есть «друг свиней», — так звали пастуха, героя его поэмы.

— Очень вдохновляет, — заметил Гунтер.

— Ну а как вы думали? Отсутствие выбора толкает к вынужденному выбору. В общем, одевайтесь и не пугайтесь. Начнем лечение. Оскар Вайлд болел и, как говорится, нам велел. Ничше — философ, между прочим.

— При чем Оскар? — засопротивлялся Гунтер.

— Простите, если вам в его имени почудился неуместный намек. Мир, видите ли, находится на пороге победы над недугом, еще вчера считавшимся постыдным и смертельным. Только что немцы Шаудин и Гофман обнаружили возбудитель сифилиса — бледную спирохету, или трепонему. Ранее наш Мечников Илья Ильич и француз Ру привили сифилис шимпанзе и павиану. Бесподобный эксперимент, хотя и очень рискованный.

— При чем шимпанзе? — монотонно протестовал Гунтер.

— При том, молодой человек, что они ближе к человеку. А сифилисом только человек болеет. Мыши тут не годятся. Вам жаль шимпанзе Эдуарда? Мне тоже. Может быть, вас утешит, что сотрудник Мечникова преднамеренно заразил себя сифилисом и полностью излечился?

— Да? — вяло удивился Гунтер.

— Должен вам сказать, что русско-японская война, будь она неладна, несколько снизила заболеваемость. Но теперь массовая демобилизация пошла, и все вернется на круги своя. Еще и добавки привезут. В общем, да здравствует наука! И не отчаиваться! Только не отчаиваться!

Выйдя из больницы, Гунтер встретил Лидочку Дикопольцеву, спешащую в библиотеку.

— Ой, здравствуйте! — радостно сказала Лидочка. — Что-то вы давно не заходите. Не заболели?

— Недомогаю, — буркнул Гунтер, приподняв за козырек фуражку. — Прощайте!

— Выздоравливайте! — прокричала нежно Лидочка ему вслед.

Гунтер повесился тем же способом и на том же месте, что Ижболдин. Городовой Зелепукин, вынув тело из петли, перекрестился и сплюнул.